

Люй Бувэй толкнул тяжелые ворота резиденции заложника. Изнутри повеяло сыростью и мертвенным холодом пустого дома. Едва заметная улыбка, скользнувшая по его губам, тут же угасла. Потупив взор, он молча зашагал вглубь двора.

Прошло уже немало дней с тех пор, как их обоих под конвоем вернули в царство Чжао.

В свое время Люй Бувэй легко откупился от офицера Гунсунь Цяня пятью сотнями золотых, отделавшись туманными объяснениями, и вышел сухим из воды. Чжао Цзи вместе с тем несносным мальчишкой чиновник Чжао уже забрал к себе. В опустевшей усадьбе заложника не осталось ни слуг, ни служанок. Наследного принца Цинь держали впроголодь, ежедневно принося лишь жалкие объедки — ровно столько, чтобы тот не испустил дух.

Люй Бувэй подтачивало смутное чувство вины перед Цинь Цзычу, но разум брал верх: он прежде всего купец. Каким бы ценным ни был его живой товар, собственная жизнь все же дороже.

Стоило ему подумать об этом, как совесть его мгновенно успокаивалась.

Не трать он ежедневно золото на приличную еду для пленника, Цзычу пришлось бы совсем туго. К тому же война между Цинь и Чжао еще не завершилась, а значит, их тайный союз все еще оставался в силе.

Шанс вырваться из Чжао по-прежнему оставался.

У края небольшого пруда слышался тихий, чистый плеск воды. На мгновение замедлив шаг, Люй Бувэй повернул к источнику звука.

С тех пор как Цинь Цзычу заперли в усадьбе без права выхода, офицер Гунсунь, опасаясь, что пленник наложит на себя руки, приказал наглухо заколотить колодец. Единственным источником воды в поместье остался этот мелкий декоративный пруд — утопиться в нем при всем желании было невозможно, но для нужд заложника его глубины хватало.

И все же брать воду для питья и омовений из одного застоявшегося водоема было для наследного принца Цинь унижительно.

Подойдя ближе, он действительно увидел Цинь Цзычу. Тот всегда отличался высоким и хрупким телосложением, а за неполную декаду заточения и вовсе исхудал, превратившись в тень самого себя.

Но за этой внешней немощью скрывался непокорный дух — теперь никто не смог бы заставить его склонить голову.

Цзычу словно переродился: исчезли былая покорность и заискивание перед тюремщиками.

Теперь он смотрел на мир холодно и с неприкрытой издевкой.

Казалось, он уже видел, как все они превратятся в безжизненные тела во рву для казненных, и заранее праздновал их неминуемую гибель.

От этого взгляда по спине пробегал ледящий холодок.

Люй Бувэй заколебался. На миг ему захотелось развернуться и уйти, лишь бы не сталкиваться с этим жутким взглядом, но, помедлив, он все же уступил странному влечению, прикованный видом обнаженной спины юноши, и медленно двинулся к пруду.

— У Великого наставника Люя еще хватает дерзости заявляться сюда? — ледяным, сквозящим злобой голосом бросил Цинь Цычу. Он даже не обернулся, продолжая неторопливо обтирать тело влажным лоскутом ткани. — На дворе весна, но созерцание увядшего сада и прелой листвы наверняка доставляет вам ни с чем не сравнимое удовольствие.

Как ни пытался Люй Бувэй морально подготовиться к этой встрече, его губы невольно сжались в тонкую линию.

Ополоснув и повесив сушиться холстину, Цычу неторопливо запахнул просторные одежды и лишь после этого обернулся. Насмешливая гримаса сошла с его лица, уступив место пугающему спокойствию человека, которому больше нечего терять.

Видя его замешательство, Цычу безжалостно растоптал все его иллюзии:

— Я насквозь вижу твои грязные помыслы, Люй Бувэй. Даже если сейчас циньскому войску не удастся проломить ворота Ханьдани, рано или поздно ты горько пожалеешь, что посмел запустить свои лапы в дела великого царства Цинь. За свои козни ты заплатишь головой, и кости твои сгниют без погребения.

— Настанет день, и я этого дождусь, — негромко, но отчетливо произнес он.

Его темные глаза сверкнули такой пугающей решимостью, что Люй Бувэй невольно попятился.

И тут же оступился, сорвавшись в холодную воду пруда, которая внезапно показалась ему бездонной пропастью.

— А-а-а! — Люй Бувэй вскрикнул и с глухим стуком ударился лбом о деревянную стену повозки.

В глазах поплыло. Потребовалось немало времени, прежде чем он пришел в себя, обливаясь холодным потом.

"Я в повозке!"

"Цзычу... Его ведь уже увели..."

Смахнув холодный пот со лба, Люй Бувэй уставился в потолок повозки, но кошмар занозой сидел в его мыслях, звуча безмолвным проклятием.

<http://bllate.org/book/18277/1750287>